

GFP 3840

РУССКИЙ ПАТРИОТ

3-e année
No 13 (26)
(NOUVELLE SERIE)

Prix 5 frs.

(LE PATRIOTE RUSSE)

Organe de l'Union des Patriotes Russes en France paru en clandestinité

4, rue de Galliera Paris 16.

— 20 JANVIER 1945 —

Tel.: KLE 94-20, 21, 22

СИГНАЛ

Зачем Союз Русских Патриотов? Если будет амнистия, мы и без них поедем, а не будет — так на что вообще...

Обыденные фразы, сказанные обыденным русским эмигрантом, и однако вынуждающие нас именно своей обыденностью к ответу.

Те, кто так говорят, плохо поняли нас. Не ради возвращения на Родину был образован, существует и будет существовать Союз Русских Патриотов. Никто нам советского гражданства или возвращения на Родину не обещал, и хотя большинство из нас будет радо вернуться на Родину полноправными советскими гражданами, — не в этом наша цель. Образовался С.Р.П. в подполье, когда наиболее активная часть русской эмиграции поднялась на борьбу с врагом нашей Родины. По выходе из подполья к нам присоединились сочувствовавшие нам. Затем пришли и продолжают приходить патриоты, с которыми мы не были связаны в подполье — из Парижа, из провинции, из Бельгии, из тюрем и концентрационных лагерей... Мы надеемся, что к нам придут и те, которым страшные испытания, перенесенные нашей Родиной, открыли глаза на то, что Советская власть является властью народной, поднявшей нашу Родину на недостижаемую высоту инесущую миру правду, к которой всегда стремился, в своем мессианизме, русский народ. Мы надеемся, что любовь к нашей Родине объединит нас и поможет воспринять все то, что создал и совершил наш народ. Потому что мы не только чувствуем себя, но мы и являемся его частью. Кровь от крови, плот от плоти. Наše объединение — это естественный отбор здоровой, национальной части эмиграции. Это — процесс, в который втянется каждый русский эмигрант, если в нем бьется русское сердце.

Мы же со своей стороны склонны думать, что если и будет амнистия, то она быть может распространится не на всю эмиграцию, а только на ее здоровую часть, полностью восприявшую советский строй, идущую ногу в ногу с советской действительностью.

Мы зовем к объединению и надеемся, что все здоровое в русской эмиграции само объединится с нами. Наш призыв — это просто сигнал, указывающий место сбора всех русских патриотов. Мы также призываем организации патриотов всех национальностей, составляющих Советский Союз, ближе приникнуть к нам, наладить с нами более тесный контакт. Нам с ними по пути, у нас одна общая цель — служение общей Родине.

Союз нерушимый

За несколько лет до войны Альфред Розенберг писал, что Россия — это «бочка с нечистотами», сдерживаемая лишь обручами, каковыми прежде была царская власть, а теперь оказывается власть советская: стоит только ударить как следует по обручам и все содержимое расплется во все стороны.

Сравнение, кстати сказать, не очень лестное не только для русского народа, но и для всех народов, судьба которых связана с нашей исторической судьбой. Но, как было, среди инициаторов германского похода на восток и среди всех их приспешников глубоко укоренилось это представление о «разншерстности» народов Советского Союза, о непрочности их государственного объединения.

Всем памятно, как в 1933-39 годах муссирувались из Берлина всевозможные сепаратизмы: украинский, грузинский, тюркский... даже вкрашенные в великорусскую массу мелкие финские племена приглашались отделиться от России и образовать «великую Финляндию» не то до Урала, не то до Енисея.

И вот, долгожданный поход начался. Вся военно-техническая мощь победоносной Германии обрушилась на «обруч» вышеупомянутой «бочки». В некоторых группах национальных нерусских эмиграций шевеление прошло лучше прежнего: было от чего!

А вышло — нуль. В этой войне, полной парадоксов, одним из самых неожиданных парадоксов явилось отсутствие со стороны Германии всякой сколько-нибудь серьезной попытки использовать антирусские сепаратизмы. Ни Скоропадский, ни никто вообще из связанных с Германией украинских лидеров, не был инtronизирован в Киеве; и когда германские войска катились к Кавказу, они не вели в своих обозах никаких самостоятельных правительств.

Для Германии «самоопределение» нерусских народов СССР было, конечно, лишь предлогом, вернее, лишь способом применить старый принцип: разделей и властуй. Но почему же этот способ, подготовленный издалека, не былпущен в ход в самый решительный момент?

Ответ может быть только один. История уже настолько спаяла народы нашей страны, что вопреки розенберговским ожиданиям этот способ — уже не был способом. В самом ходе объединяющего исторического процесса народное сознание той же Украины, той же Белоруссии, тех же кавказских национальностей развило уже настолько, что сразу распознало в немцах не освободителей от засилия «москалей», а самых доподлинных колонизаторов, думающих лишь об эксплуатации всех народов СССР и каждого из них в отдельности.

Оказалось, что маскировка не обманывает никого, и потому германизм с самого начала сбросил маску. А начав открыто действовать просто как завоеватель, он помог доделать то, что еще могло оставаться недоделанным в области внутреннего, духовного единства народов Советского Союза.

Война, остирем своим обращенная против Великой Руси, как и в прошлые века, вынесенная, прежде всего, на плечах великорусского народа, стала, явно для всех, войной за самое существование народов украинского, белорусского, всех вообще национальностей, которые без федерации с Россией поддали бы под германское ярмо. Армии, собранные московским правительством, вернулись на Украину, в Белоруссию, в Эстонию, в Латвию, в Литву самыми подлинными и неоспоримыми освободителями.

Победа открыла небывалые перспективы перед великорусским народом, как ведущим в составе федерации; она разрешает целый ряд задач, много веков стоявших перед ним. Но общая победа, впервые одержанная в таком масштабе, впервые решает вековые задачи и других членов федерации. Один только пример, представляющий нам наиболее существенным, исторически наиболее важным: после этой войны, впервые с XI века, фактом воссоединения Га-

Проведенная в разгар войны реформа советской конституции, представляющая союзным республикам широчайшие права, вплоть до отдельного дипломатического представительства, лучше всяких комментариев свидетельствует о спокойной уверенности в том, что единство сковано действительно навеки. В самом деле, такая свобода может быть предоставлена лишь там, где нет опасности, что свобода выродится в анархию.

Широта и гибкость форм федерации, от малых автономных единиц до суверенных советских республик, при внутренней неразрывности объединения вокруг русского народа, первого среди равных, — таков без сомнения один из самых изумительных исторически наиболее ценных результатов русской революции.

Можно себе представить, что эта широта и эта гибкость найдут еще новое поле применения, создадут, еще новые формы сотрудничества народов.

Многогодий, многонациональный Советский Союз в основном все же объединяет

Братский привет свободной Варшаве!

личины осуществляется государственное единство Украины.

Украинцы много корили Москву в том, что со времен Хмельницкого объединение братских восточно-славянских народов все никак не могло разрешить именно эту, основную для Украины, задачу. Вплоть до нынешней войны, Великая Русь, ведущая в составе федерации, обвинялась в принципиальном равнодушии к исторической судьбе Украины.

После этой войны вопрос исчерпан. Закрепив окончательно свои западные границы, Украина — второй по значению член федерации — еще увеличивает чрезвычайно свой удельный вес. И никто не может сомневаться, что этот результат достигнут лишь общими силами, лишь ценой крови, совместно пролитой в этой гигантской борьбе.

громадную массу трех восточно-славянских народов. Его основа все же — союз Великой Руси, Руси-Украины и Белоруссии. Ныне же армия Советского Союза, освободившие Украину и Белую Русь, на своих щитках несет освобождение южным и западным славянским народам. И если вокруг Великой Руси исторически выросло единство восточного славянства, если восточно-славянский мир объединил разрозненные народы Евразии в «великий, могучий Советский Союз», то не к тому ли идет историческое развитие, чтобы вокруг Советского Союза, как величайшей славянской (хотя, конечно, и не только славянской) державы, в новых, невиданных, еще более свободных и еще более гибких формах, вырасти восточнославянскому единству?

С. Оболенский.

Свидетельство врага

Генерал-лейтенант Фридрих Байер, взятый в плен на Балканах, сказал на допросе: «Главный фактор, ускоривший поражение наших войск, — это высокое мастерство русского командования. Русские подвижные части показывали всегда с той стороны, где их не ожидали, с исключительной точностью подрывали наши стыки и фланги. Другая причина проигрыша: негибкость нашей стратегии, нежелание приспособливаться к новой обстановке войны, боязнь потерять престиж. Начав войну с Россией, мы поставили ва-банк и проиграли»...

(«Известия»).

Объединение русских писателей во Франции

За получением членских карточек просят обращаться к секретарю: А. Гефтер, 77, бульв. де Гренель, Париж (15), тел.: Сер. 32-30. Необходима фотографическая карточка.

Книжный киоск

В помещении С. Р. П. открыт книжный киоск. Продажа и прием на комиссию книг. Киоск будет временно функционировать в часы лекций и докладов.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

«СУМЕРКИ БОГОВ»

«С каждым днем немецкие надежды тают», — пишет цюрихский еженедельник «Ди Вельтхое». Германское командование может уже лишь разрушать, оно больше не может ни побеждать, ни спасать. Попытка удержать Будапешт — уже не есть попытка спасти, что бы то ни было, а просто осуждение на гибель целого города, о котором сам его завоеватель, маршал Малиновский, сказал одному венгерскому журналисту: «Будапешт прекрасный город, было бы жалко разрушить его».

И все же, — пишет дальне швейцарская газета, — «нынешний момент принадлежит к числу самых трудных и опасных всей этой войны. Ибо после шести лет порывов, вызванных сознанием необходимости войны, каким то образом слабеет, по мере того, как всем становится понятно, что шансы немецкой победы теперь уже равны нулю. С другой стороны, еще невозможно всеми силами взяться за восстановление разрушенного. Все это вызывает мрачные и не безопасные моменты депрессии, которых пытаются воспользоваться злобный замысловатый голос Гитлера, сяя смятение, беспокойство и подавленность в лагере его противников».

Нацистские вожди, — пишет «Рейнольдс Таймс», — «знают, что не могут победить, но они надеются смягчить условия мира и отдалить день расплаты».

По мнению турецкой газеты «Вакит», «они расчитывают вызвать давление американского народа на президента Рузвельта, чтобы этот последний не настаивал на безусловной капитуляции».

Однако, — как пишет «Ла Франс о Комба», — главный расчет гитлеровцев — не в этом. Главный расчет в том, чтобы после неминуемого поражения «прекратить в Германии всякое производство, организовать систематическую обструкцию, техническую и экономическую»... «А наряду с этим... по инициативе чиновников министерства иностранных дел, Рундштедта и его друга Папена, выработан целый дипломатический план, которого нам следует эстерегаться...»

«В прошлом августе образованы две «тайные» немецкие партии... Первая из них — подобие прежнего католического центра плюс группа крупных промышленников: прежние друзья Гугенберга и Папена, а также разные церковные и военные деятели... Эти представители «обновляющейся» Рейха стараются доказать, что их католицизм совершенно несовместим с национально-социалистическими идеями, но они утверждают это с согласия Гиммлера.

«Успех этого маневра вызывает, повидимому, некоторые сомнения в Берлине. Поэтому и была создана... три месяца тому назад псевдо-коммунистическая партия, все руководители которой являются ставленниками Гиммлера.

«Их цель:

«1) «Канализировать» подлинно коммунистические элементы;

«2) Иметь в запасе людей, как будто бы чужих нацизму, которые предложат свои услуги союзникам и смогут, завоевав их доверие, защищать гитлеровские интересы».

«Но, — пишет в заключение «Ла Франс о Комба», — нет такой тайной гитлеровской деятельности, будь она военной, политической или экономической, которая не становилась бы моментально известна в Москве».

Пока Гитлер и его сподвижники мечутся в поисках выхода, союзная печать обсуждает далее еще не выясненный вопрос об уголовном преследовании военных преступников.

«Верно ли, — пишет «Пари-Пресс», — что английское общественное мнение разделилось по этому вопросу? Верно ли, в частности, — как утверждает «Дэйли Мейль», — что британский министр иностранных дел стремится избежать «установления новой инквизиции в Европе?»

«Если это так, официальная Англия... оказалась бы в противоречии с тем, что ждет население Европы.

«Все, однако, указывает на то, что союзники не сумели еще сговориться о самом элементарном из послевоенных вопросов: о том, что они сделают с Гитлером и с его друзьями. Это звучит невероятно».

Немецкие авантюры на Западном фронте

Наше военное обозрение мы начнем с оценки настоящего положения сторон. Для полных выводов нам нехватает, к сожалению, очень важных данных, особенно относительно силы сторон и их стратегических планов. Но зная предыдущие обстоятельства этой гигантской борьбы, мы можем более или менее верно подойти к нашим выводам, беря за основу неизменные принципы стратегии.

Сейчас немецкие армии сдавлены с двух сторон: с Востока — стальной блок русских войск, с Запада — мощный блок союзников: англичан, американцев и французов. И с той и с другой стороны противники Германии подошли уже вполне к германским границам, и это — после целого ряда побед над немецкими войсками, особенно на Востоке. Эти два блока: восточный и западный, разделены пространством самое большое в 1000 километров в среднем, считая по прямой линии. И с той и с другой стороны до Берлина — центра жизни Германии, остается пройти еще около пятисот километров. Перед тем и другим блоком, кроме местных географических препятствий, имеются возведенные немцами укрепления: заграждениями, как линия Зигфрида на Западе, и большей частью временного характера — на Востоке.

Ясно, что общее количество сил противников Германии, как в отношении человеческого материала, так и техники значительно выше сил, которыми в данный момент располагает Германия. Моральная сторона их после ряда одержанных побед также должна быть выше, чем у немцев.

Значит, немцам, если они хотят и могут еще продолжать борьбу с некоторой надеждой хотя бы на временный успех, необходимо воспользоваться единственной выгодой их положения сравнительно с их противниками, а именно — разделением сил последних расстоянием в тысячу километров.

Из этого краткого обзора положения сторон мы видим, что с точки зрения чистой стратегии немцам приходится действовать, по так называемым, «внутренним операционным линиям», т. е., сдерживая искусственно один блок, всеми силами обрушиться на другой и постараться разбить его отдельно, а затем перейти к действию против другого блока. Но стратегия дает и условия успеха: 1) операционные линии не должны быть ни слишком длинны, ни слишком коротки, и 2) нужно быть в общем сильнее каждого из двух блоков в отдельности. Без этих условий успех может быть только временным и эфемерным.

И вот, из последних зимних действий немцев мы видим, что они, повидимому, решили использовать обстановку внутренних операционных линий.

Пользуясь времененным затишьем на восточном фронте, вызванным необходимостью для русских войск перегруппироваться и наладить свои длинные и трудные коммуникации, они решили обрушиться значительной массой сил, используя для этого элемент неожиданности, — на западного своего противника, которого они считают более слабым.

Результат этого решения — внезапный наступление значительных сил фон Рундштедта в Арденнах, месте казавшимся им наиболее слабым, как стык армии английской и американской.

Натиск этот привел, действительно, к прорыву фронта союзников и дал возможность немцам углубиться в их расположение на сотни километров. Данные успеха были налицо.

Но использовать этот успех они оказались не в состоянии — сил не хватало. Для этого им нужны были еще более мощные танковые и авиационные соединения, которых у них не было. Союзники, пользуясь своим превосходством сил вообщем и особенно в области техники, сравнительно быстро свели этот первоначальный успех немцев к нулю.

Итак, если первое условие стратегического успеха было использовано немцами — в отношении длины операционных линий, то

второго условия — быть сильнее каждого блока в отдельности, налико не оказалось. Без этого же условия подобные попытки действий с негодными средствами более похожи на чистую авантюру, сопряженную к тому же с тяжкими и бесплодными потерями.

Не успокоившись на этом, немцы пытаются проделать то же самое в южной части западного фронта — в Эльзасе, где они опять направляют удар в место, кажущееся им наиболее слабым, — в стык армий американской и французской. Но, судя по исходу более серьезной операции более крупными силами на севере, следует думать, что и здесь дело закончится крахом этой второй авантюры.

А тем временем начинает греметь гроза на Востоке. Мощные, монолитные русские армии переходят в общее наступление и недалек, повидимому, момент, когда операционные линии немцев сделаются «слишком короткими», со всеми вытекающими из этого последствиями.

Е. Г.

За неделю

Весь мир с напряженным интересом ожидает встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля, которая, как говорят в Лондоне, должна произойти в конце января, где то на Ближнем Востоке. Американские представители уже едут в Европу для подготовки этой встречи. С другой стороны Рузвельт заявил, что согласен на создание постоянного Совета Соединенных Наций, э чем и имеет в виду говорит со Сталиным и Черчиллем.

Тем временем продолжаются усилия распутать сложную обстановку на Балканах. В Греции достигнуто перемирие между английским командованием и силами Э.Л.А.С., которые обязались отойти в северо-западную и северную часть страны, очистив также и Салоники. Однако, окончательное решение вопроса все еще заставляет себя ждать и стычки продолжаются в самой Аттике.

В юго-славянском вопросе отказ короля не прервал переговоров. Лондонское правительство Субачича сообщило, что советская декларация была опубликована без его согласия и английская печать дает понять, что соглашение с маршалом Тито должно состояться хотя бы и помимо короля.

Парижский «Ле Монд» отмечает, что так или иначе южно-славянские народы после этой войны окажутся в теснейшей связи с Советским Союзом. Вследствие этого проливы теряют то значение, которое они прежде имели для России, раз эта последняя в какой-то форме получит доступ непосредственно к Адриатическому морю. Этим, по мнению парижской газеты, объясняется отсутствие каких бы ни было опасений Турции в отношении советского «имperialизма». Турецкий посол в Париже Менеменджоглу заявил сотруднику газеты «Фигаро», что «русские претензии (на проливы) относятся к области легенд. Я совершенно не верю во все эти истории э «взлекающим людоеде», — сказал он. — Я думаю наоборот, что кремлевская политика не оставляет никаких подозрений относительно национальности СССР».

Печать ставит с этим в связь пришедшее через Америку известие, пока еще, правда, не подтвержденное официально, о том, что Турция согласилась открыть проливы между соединенными нациями.

В польском деле, английское правительство старается благородно влиять на польские эмигрантские круги. Речь идет о том, чтобы во главе лондонского эмигрантского «правительства» поставить Миколайчика, как лицо проявившее больше понимания по отношению к Советскому Союзу.

ЛЕНИН — ПАТРИОТ

Сегодня 21-ая годовщина со смерти Владимира Ильича Ленина. В эмигрантской среде существует смутное представление о мифовозрении Ленина. Оно подсказано его политическими противниками и, конечно, лишено объективности. Многим неизвестно о научно-философских трудах Ленина, которые даже некоторыми философами идеалистического направления оцениваются очень высоко. Почти никому неизвестны мысли Ленина о патриотизме и национальном чувстве. «Патриотизм, — писал Ленин, — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями эбособленных отечеств». Ленин с негодованием говорил о тех «клеветниках, которые утверждают, будто большевикам чуждо чувство любви к родине, чувство национальной гордости и славы». (См. «Известия», от 25 января 1944 года).

Осуждая «квасной патриотизм», которым прикрываются эксплуататоры народа, Ленин утверждал, что подлинный патриотизм связан с борьбой народа против рабства и угнетения, с борьбой за социализм. Он писал о решении большевиков — патриотов «добиться во что бы то ни стало того, чтобы РУСЬ перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной. У нас есть материал, — утверждал Ленин, — и в природных богатствах, и в закале человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Перед нами № 145 «Правды» от 1938 года. Мы находим в нем замечательную статью под заголовком «Великий русский народ». В ней цитируются следующие строки Ленина: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация создала революционный класс и доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм». Автор статьи, помещенной в «Правде», статьи, наяву мыслями Ленина, пишет: «В разностном кипении социалистических будней, русский народ творит замечательные дела, созидает новую культуру, увеличивая багатство нашей родины. Великие сыны нашего народа показывают всему миру невиданные чудеса храбрости и отваги, полета творческой мысли. Русский народ — это Стаханов и Папанин, это Чкалов и Громов, это стахановцы заводов и колхозных полей, наши замечательные ученые и музыканты. Русский народ — это бойцы Красной Армии, наши летчики, гордые соколы родины, наши искусные артиллеристы, мужественные танкисты. Русский народ — это народ героев, подвигами своими изумляющих человечество».

Нам кажется, что познакомившись с мыслями, которые принадлежат В. И. Ленину и его советским почитателям, может случиться, что рядовой русский эмигрант кое что передумает, перечтет и пересмотрит свои склонности суждения о том, что ему неизвестно.

С. И. Р.

О СОВЕТСКОМ СОЛДАТЕ

Русский книжник XIII века написал в тверской летописи по поводу одного современного ему сражения: «И стояще полк за свою правду три дня»...

Это очень далеко от нас. Психология людей XIII века почти загадка для людей нашего времени. Правдой тех дней могли быть всего-навсего права какогонибудь князя на престол, оспариваемые другим князем. Люди, которые считали себя честными дружинниками, умирали за династические права своего князя, потому что притязания противника казались им нарушением всех божеских и человеческих законов. Обычно средневековое сражение начиналось на расвете и к вечеру исход битвы склонялся на ту или иную сторону. Полк тверской летописи сражался три дня. Книжник отметил это обстоятельство, как подвиг.

В сравнении с тем, что происходит на наших глазах в Европе, сражения XIII века кажутся пустяками. Советский «полк», так как в древнем языке это слово обозначало всю армию, уже стоит за свою правду не три дня, а три года. Почему же так упорно сражаются советские полки, составленные иногда из тех же тверских жителей, и не сдаются, даже окруженные иногда со всех сторон и засыпаемые бомбами и снарядами? Что это? Воинская дисциплина и организация? Высоко развитое чувство гражданского долга? Мечь за то, что натворили немцы в оккупированных русских землях? Или это та социальная правда, о которой сейчас говорят и пишут?

В начале конфликта на Востоке, немецкая пропаганда и доморощенные Гебельсы уверяли нас, что вовсе никакой войны не будет, что при одном виде немецкого победоносного солдата русские мужики разбегутся и немедленно начнут свергать советский строй. Может быть, некоторые дурачки и пошли на эту удочку, но таких оказалось мало. Выяснилось, что «колхозники» не разбегаются, а оказывают весьма упорное сопротивление. Тогда нас старались убедить, что советских солдат гонят в бой комиссары, и что позади советских полков стоят «части особого назначения» и расстреливают из пулеметов тех, кто не хочет умирать за Сталина.

Выходило так, что с каждым парашютом, которого советские самолеты сбрасывают в районе партизанских действий, приходилось сбрасывать комиссара и политрука. Что было явной чепухой.

Но все-таки, что же заставляет советского солдата так мужественно сражаться? Откуда у него это мужество и это презрение к смерти?

Прежде всего отметим, что несмотря на все свои особенные воинские качества, русский солдат прежде всего нормальный человек. Другими словами, у него та же самая общечеловеческая психология, как и у всех людей на земле. Так же, как другие, он может быть, хотел бы жить в мире со своими соседями, работать, сеять пшеницу, учиться и читать книги. Но не в пример другим, он понимает, что в военное время все эстакальное отходит на задний план, семейная жизнь и даже интересные книги. В этом отношении советский новый человек в необыкно-

венной степени наделен чувством долга, ответственности перед обществом и всей своей огромной страной. Поговорите с теми русскими бывшими пленниками, которых теперь не мало в Париже. Если он не из штрафной роты, что очень редко, то этот советский молодой человек с веселыми глазами рассматривает свое участие в войне, как севершенно естественное дело, потому что этого требуют родина и правительство.

Вероятно, такое отношение к своим обязанностям — не только результат политического и социального воспитания, но и следствие общего повышенного, в сравнении с дореволюционным временем, культурного уровня народных масс в Союзе. Лозунг — «мы рязанские и до нас не дойдут» — исчез из советского мышления. Каждый гражданин своей великой страны, и у этих молодых людей с прекрасными зубами и широкими грудными клетками захватывает дух от величия пейзажей, когда они из Москвы летят в экспрессе сквозь кедры и пихты Сибири в далекий Владивосток.

Вообще огромную роль в тех процессах, свидетелями которых мы являемся, играет биологическое здоровье нации, укрепленное в связи с повышением жизненного стандарта народных масс, а также благодаря тому особому вниманию, которое советская власть обратила на физкультуру и социальную гигиену. Нация помолодела и закалилась в революции, в огне тех идей, которые она принесла с собою в русскую жизнь.

Итак, за что же умирает советский солдат?

Когда поезд вез его на фронт, перед его глазами проплывали развалины и пепелища русских городов, тянулись длинные ряды могил и стояли оскверненные врагом исторические здания и соборы. От бежавших из немецкого плена, от жителей освобожденных областей, из отчетов расследовательных комиссий и просто из газет, он знал, какие зверства совершили немцы. Отсюда естественное чувство мести и желание уничтожить падлого врага. В этом ощущении очень характерны недавно перепечатанные в нашей газете стихи советского поэта Симонова. Но чувство, которое испытывает русский солдат, когда он бросается в штыковую атаку после всех этих трагических видений, лучше назвать гневом. Качества советской армии в развитии войны необыкновенно повысились. А ничто так не повышает воинский дух, как справедливый гнев.

Но это еще не все. О чем думает русский солдат, когда он идет в бой? Вероятно каждый по своему решает те вопросы, которые возникают у человека в торжественные минуты смерти. Один сражается, чтобы враг не смел больше тянуться за русской землей. Другой мстит за расстрелянного близкого человека, за сожженный дом, за разбитые приборы своей университетской лаборатории, за осквернение пушкинского уголка. Третий воюет, как лев, потому что знает, что за этим страшным адом рождается новая жизнь, более разумная и более светлая.

И все-таки есть в порыве советского солдата нечто, что не определяется никакими

личными и даже национальными интересами и соображениями. Эта та «правда», о которой нам говорил проф. Н. А. Бердяев. Это — вера, присущая русскому человеку, которая требует более справедливой жизни на земле. Это — жажда социальной справедливости. Это — сознание советского человека, что есть на земле вещи, достойные того, чтобы за них умирать. Это — своеобразный советский романтизм и извечный русский идеализм. Но есть еще нечто...

Как определить это «нечто»?

Как все не изверяемое цифрами и не входящее в круг наших маленьких делишек, это чувство с трудом поддается определению. Это то чувство особого космического порядка, которое рождает революции, священные войны и новые социальные миры. Оно открывает новые материки и новые благородительные законы в физике. Оно ведет народы на подвиги и жертвы. Не только за теплый дом или за поле с пшеницей, но за счастье всего человечества. В такие моменты человек озарен прекрасным светом, и не думает о наживе или о выгоде своей жертвы. Матросы Колумба не думали о меновой торговле, с дикарями в те первые минуты, когда они увидели пальмы Нового мира.

Не будем спорить. Прежде всего советский человек умирает за свою страну, за свое право достойно жить на земле, может быть, вот, за эту загорелую веселую подругу. Но, повторим, есть еще нечто, что делает советского солдата непохожим на других солдат.

Очень трудно определить книжными словами такие переживания и безличного, с оружием в руках, участия в этих мировых сражениях. Так никогда не любивший человек не в состоянии понять любовь лирику стихов. Но как выразить это в двух словах? Это тот безкорыстный и ни чем не заинтересованный герой, который присущ только молодым народам в самые прекрасные, трагические (и счастливые) моменты своей истории, когда человек широко дарит миру свое творчество и приносит свою жертву на полях сражений.

С таким чувством, не всегда, может быть, осознанным, потому что часто ему нет двадцати лет, идет в бой советский солдат. Он не убийца, не насильник, не завоеватель, не империалистический солдат и не сеятель смут, а освободитель и служитель социальной правды. Он любит порядок, чтит культуру и уважает дворец иностранных епископов. Его лицо открыто, и он редко закрывает свою голову стальным шлемом. Он не боится смерти, потому что знает, что после него будет жить на земле его сын и весь его народ. В его глазах не ненависть, а мужественное сияние. Неужели народы не видят этого? Эти скромные строки не в силах ничего изменить в мировых процессах и их не будут читать министры. Но как жаль, если никто не посмотрит с доверием в светлые глаза советского солдата, потому что в руках этих солдат судьбы мира и счастье многих поколений.

Ант. Ладинский.

Православное сознание и Октябрьская революция

(мысли священника)

Можно оценивать исторические события с двух точек зрения. Со стороны статической и со стороны динамической. Первый подход, свойственный, по преимуществу, античному взорению и в современном мире — римско-католической церкви, стремится разрешить назревшие проблемы «и абстракто», не учитывая процессуального характера идей человечества. Второй подход: библейско-христианский — историософический, ставший из-за Гегеля общечеловеческим достоянием, оценивает идеи и их столкновения, как внутреннее развитие и эволюцию человеческого сознания. С этой точки зрения, в разные моменты истории тоже самые установки могут быть полезными и вредными. Историческая диалектика Гегеля — Маркса учит нас необходимости периодического засторения противоположностей до взаимоисключающей борьбы, для достижения впоследствии более органического и чистого синтеза. Без этой бескомпромиссной борьбы Тезиса и Антирезиса сознание человечества застывает на мертвой точке, не идет вперед, теряет свою историческую зрячость. Апостол Павел выразил это же положение, утверждая о пользе в христианском обществе разделений (ересей), «дабы выявился искусственный», т. е. носитель более совершенного решения вопроса синтезирующего антиномию ересей, отбрасывая элементы в тезисе и антитезисе, отягжающие развитие мысли. С точки зрения статической, «и абстракто» борьба, ересь есть зло; с точки зрения исторической диалектики, не будучи добром к себе, борьба-ересь есть в развитии человеческого сознания явление положительное, необходимое, без которого нет подлинного процесса.

Реакционному обществу свойственна пословица: «худой мир — лучше доброй ссоры». Евангелие противоположно этому мнению. Антиномическое противоположение тезисов: «не мир принес, а меч», «мир мой даю вам», «положу вражду между родителями и детьми», «любите друг друга» не разрешается статически, но получает разрешение в динамическом подходе. Меч, вражда, борьба необходимы исторически, мир, любовь есть завершение процесса синтеза.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что евангельско-православной и в гегельско-марксистской диалектике меч-борьба должна быть радикальной. Ослабление антиномии — залог неуспеха. Подлинная православная аскетика есть внутренняя радикальная диалектика, борьба антитезиса — духа и тезиса — «мира и плоти». Она столь же радикальна, как экономическо-социальная борьба революции 1918 года.

Если внутренняя антиномия, не доведенная до конца, дает плохого монаха, а доведенная до конца творит святого инона, синтезирующего паново плоть и дух, мир и Бога, то же происходит и в плане социально-экономическом. Вместо подлинной ленинско-большевистской революции, мы имели псевдореволюцию, меньшевистско-либеральную. Но борьба, меч, аскетика, не есть самоцель. Это путь к синтезу. Срыв синтеза может быть двоякий. Преждевременный синтез, синтез на-спех и искусственная задержка синтеза. Преждевременный синтез в духовно-аскетической литературе называется «состоянием в прелести», второй тип срыва заклеймен метким выражением пр. Серафима. Он называет монахов, застрявших в аскетично-борческой стадии, «обгоревшими головешками», сжигающими себя в борьбе без цели.

В плане социально-экономическом, жорен主义 свойственно первое заблуждение, не говоря о фашизме, как заблуждении сознательном; троцкизму — второй срыв. В плане диалектической встречи православия и атеизма в период русской революции, «живоцерковство и обновленчество» есть ересь первой категории, карловчанство и «оппозиция» являются церковным троцкизмом.

Линия патриарха Сергия и политика Сталина, учитывая антиномическое разделение, ведут к подлинному историческому синтезу, но это — следующая и другая тема.

Е. Петров.

Пасквиль

К нам случайно попала анонимная листовка. В ней, выражая удовлетворение по поводу побед, «к сожалению, называемой красной, а не российской» армии, между прочим говорится:

«Не могут народы российские пребывать в крепостническом состоянии, когда весь мир борется за святую правду и справедливость, освобождаясь от капиталистического гнета» и т. д.

Следственно — с одной стороны автор листовки зборнец, с другой стороны — он анти-капиталист.

Нам было бы по пути с ним, если бы не третья сторона.

Эта третья сторона ясна: автор листовки предпочитал бы, чтобы «народы российские» вместо того, чтобы бить немцев, повернули оружие против своих вождей. При таком решении и оборончество, и анти-капитализм сразу бы на надлежащее место...

Быть может, сочинять подобные листовки не стыдно, но читать их — стыдно.

В понедельник, 29 января, в 11 ч. утра, в русской церкви на рю Дарю будет отслужена панихида по случаю 5-й годовщины смерти Профессора Николая Николаевича КЕДРОВА,

о чем извещает семья покойного.

На Кубани

Каждый раз, возвращаясь в места, где совсем недавно еще отгремели бои, находишь чудесные перемены в них, будто кто коснулся их волшебной палочкой. И этой волшебной палочкой были руки советских людей.

На Кубани, когда она еще не была полностью освобождена от немцев, в одной из станиц я замечал в правление колхоза. Наши передовые части всегда несколько дней ушли вперед. В станице оставалась только госпиталь, да и тот уже свертывался. Была весна, и женщины, народники и старики вышли на поля и усадили с лопатами, мотыгами, граблями. Рукиами, истосковавшимися по свободному труду, они подымали сочущуюся весенними соками, пахнущую чирозом землю. Перед столом председателя колхоза стоял человек в пинете без погон, и один рукав пинеты был изнутри. Не отрываясь от бумаг, лежащих на столе, председатель колхоза сказал ему:

— Это хорошо, что вы решили у нас остаться. Нам рабочие руки нужны. И только когда в тесной комнатке правительства наступило неловкое молчание, председатель увидел свою опасность: у предшествующего не было именно руки. Тогда председатель поднялся со стула, и я увидел, что он тоже инвалид, — правую ногу его заменил протез.

— Ничего, ничего, — сказал председатель. — Я не имею о руках говорю. Я — человек, о человеке, у которого голова на плечах, а работу мы тебе подыщем такую, что и одной твоей правой за глаза хватит, и на той работе сделаем ты нам такое, что в другом месте и самые рукастые с тобой не сравняются. Ты, говоришь, в артиллерии служил. Вот и великолепно. Мы сейчас ко-нефериру наложим...

Месяца два спустя довелось снова побывать в этом колхозе и снова встретиться с тем инвалидом без руки. Он заведывал ко-неферией. Дела ее шли блестяще. Колхоз сумел даже поставить Красной Армии де-вигантади коней. На вопрос, как добились таких успехов, заведующий фермой отве-тил:

— Колхозники, вернее колхозницы, сумели склонить от немцев коней, а моя за-бота — выхолить.

И не в силах скрыть улыбку довольства и гордости, сказал:

— Но это же белородовец.

Белородов — командир артиллерийской части, в которой до ранения служил председатель. Он считал, что он дол-жен работать на новом поприще так же хо-рошо, как и воевал, чтобы не уронить чести своих боевых соратников — гвардейцев.

Сталинградская осень

На улице, что ведет к Волге, когда то возвышалась Дворец пионеров. Теперь он разрушен. Но и в нем кто-то поселился: облюбовал один угол, загородил его кирпичом, сделал оконко и живет.

На противоположном углу этой улицы когда-то стоял большой дом. Здесь жило не-сколько семей. Теперь от этого дома ничего не осталось. Ни приехал кто-то из бывших его жильцов и решил поселиться не где нибудь, а именно здесь, на старом месте. И вот над входом в сохранившуюся часть под-вала появился деревянный сарычек; к нему прибит кусок згоревшего кровельного железа с надписью: «Дом № 1». Но этому адресу, как и прежде, почтальон приносит письма и газеты.

Вот обгоревшие стены клуба строителей. На одной из них сохранилась кинобудка. Она висит, как гнездо ласточки, в нескользких метрах от земли. Ей ведет круглый, узкая лесенка. Кинобудка превращена в

уютно обставленную комнату.

— Ну, что же, плоховато, конечно, пока живем, — говорят жильцы этих «квар-тир».

— Раньше были не такие условия. Но мы все-таки находимся в своем родном го-роде и знаем, что скоро будет легче.

Родной город. Ради него сталинградцы готовы перенести любые трудности. Они идут в жилищные управления, чтобы полу-чить разрешение на индивидуальное строи-тельство или на временное приислошение под жилье какого-либо угла в разрушенном здании. Обращаются за газами, за де-нежной ссудой, за технической консульта-цией, но только не за готовой квартикой.

Сталинград постепенно встает из развалин, хотя то, что сделано здесь за 20 месяцев, лишь начало великого возрождения. Предстоит сделать во много раз больше. Предстоит построить огромный город. А это не легкая задача, особенно сейчас, в воен-ное время. И сталинградцы понимают это.

Вот обгоревшие стены клуба строителей. На одной из них сохранилась кинобудка. Она висит, как гнездо ласточки, в нескользких метрах от земли. Ей ведет круглый, узкая лесенка. Кинобудка превращена в

уютно обставленную комнату.

Мы отступали, мы или на восток. Горький поход. Помни, однажды мы обогнали кре-стьян, уходивших из мест, куда прибли-жался фронт. Они передвигались на телеках, многие — пешком. Мы мало разговари-вали с ними. Но в глазах у них, казалось мне, был один невысказанный вопрос: до каких пор мы будем отступать.

Летом 1941 года меня призвали на обычный лагерный сбор. Я должен был отбывать его в пограничном городе. Я прибыл туда в середине июня.

Вы помните тот июнь, необыкновенно мяткий, нежный, словно изнемогающий из изобилия. Давно уж хлеба не были такими высокими, сады — такими цветущими.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно, конечно: подумаешь, скажу-ешь — пленный фриц! Но тогда, в ав-густе 1941 года, повторяю, я побежал смотреть их.

Помни, с каким волнением побежал я смотреть первых немецких пленных, захва-ченных нашими разведчиками. Сегодня это звучит смешно,

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ИСКУССТВО И ВОЙНА

В зале Союза Русских Патриотов, Объединением русских писателей во Франции организуются периодические собрания, посвященные докладам на литературные темы, чтению стихов и прозаических произведений русских авторов. Мы приводим сегодня текст вступительного слова, сказанного К. С. Елиса-Вильчковским на первом из этих собраний.

***

— Объединение писателей предложило мне сказать вступительное слово на сегодняшнем собрании, и я очень благодарю его за доверие. Но я не хотел бы этим доверием злоупотреблять. И потому необходимо уточнение: я говорю сейчас в частном порядке, выражая собственные точки зрения, а не какие либо официальные установки Объединения. Я думаю, что оно и лучше. Мы все, я думаю, устали за последние годы от казенных речей, иногда необходимых, конечно, иногда неизбежных, но чаще всего невыносимых.

Искусство, к тому же — и это избучная истина — такая область, где казенщина особенно нестерпима. Скажу больше: искусство не может быть даже объективно. Подлинное искусство выражает некую высшую реальность, которая постигается только через преодоление рациональной объективности. Оно выражает некую правду, которая воспринимается нами интуитивно, бездоказательно, которая раскрывается в самой глубине нашего сознания, а не в той поверхности области, где вырабатывается объективное суждение. Подлинное произведение искусства сверхлично не потому, что художник стремился «говорить, как все», а потому, что, углубляя личное, он открыл в себе, пусть преломленное своеобразно, отражение другой, высшей сущности, которая живет таинственно в каждом из нас. Стремление к объективности в искусстве может привести только к мертвой рассудочности, к абстракции, к «обезличке». Путь к живой реальности — к Истине и Жизни — лежит только через углубление, через внутреннее преображение личного.

Меня могут спросить, конечно, к чему все это философствование? Да просто для того, чтобы условиться о том плане, в котором мы собираемся говорить, о том плане, в котором живет литература. И, если угодно, для того тоже, чтобы уточнить, зачем мы собираемся здесь, и зачем вообще нужно Объединение писателей.

Так называемые «реалисты» (это слово еще вчера было модным) ответят на это очень просто. Объединение нужно для взаимопомощи, а собрания нужны для средств. С миру по нитке — писателям на рубашки. Это все, может быть, и верно, но только дело не в этом. Объединение писателей не должно быть только организацией взаимопомощи по профессиональному признаку, потому что искусство — не профессия или не только профессия, но призвание. План искусства — не план ремесла, а план служения — надо, я думаю, иметь смелость это сказать, — даже если для многих это может звучать напыщенно и смешно. Если мы собираемся, то не только для саморекламы, не только, чтобы себя показать и других посмотреть, не только для «культурного времепровождения». Мы собираемся, прежде всего, чтобы делиться чем-то, что мы считаем ценным, чем-то, чем мы, действительно, живем, если только ощущаем себя, хотя бы в самой скромной мере, причастными к русскому искусству.

Я сказал нарочито: русскому искусству, потому что всякое искусство — самое подлинное и самое сверхличное — всегда носит печать не только личного, но и национального. Мы должны быть сами «собою», чтобы быть чем-нибудь. Мы не можем уйти от национального, как не можем уйти от индивидуального: мы только можем и должны углублять, просветлять, преобразовать все это «частное», «дробное», чтобы приобщаться к общему,циальному. Мы соприкасаемся с высшей правдой, через нашу личную правду, через нашу национальную правду. Я не думаю, чтобы хороший художник мог быть плохим русским, не в том смысле, конечно, что подлинный художник есть обязательно воплощение гражданских добродетелей, а в том смысле, что подлинный художник не может не быть укоренен в духовной стихии своего народа, не может не выражать ее, не утверждать ее, в каждом своем слове, в каждом своем стихе, в каждой своей строке.

И этим, мне кажется, отводится возможный упрек: а время ли сейчас, во время войны, заниматься стишками. Да, можно и должно, потому что война протекает не только в плане материальном, потому что война — не только борьба за территорию, за интересы политические и экономические, а, прежде всего, борьба за духовные ценности и — в нашем случае — за душу России. Русская литература, — сказал Н. А. Бердяев в одной из своих самых замечательных статей, — национальна лишь в той мере, в какой она религиозна. Утверждая подлинное русское искусство, мы утверждаем самые сокровенные ценности нашего народа: ту идею, ту правду, которые он несет. Мы, тем самым, участвуем в борьбе — в той области, которая есть наша область.

Само собой разумеется, я не хочу сказать этим, что занятие литературой освобождает нас от других обязанностей перед Россией. Это было бы вздором и, притом, опасным вздором. Только трус и невежда может сказать: я — выше грубой борьбы, выше споров и страсти, и моя драгоценная жизнь не может быть подвергнута риску. Так в России никто никогда не рассуждал и не мог рассуждать. Все великие русские художники были не только художниками, но и гражданами, и исполняли свой гражданский долг, не заботясь о том, как это отразится на их творчестве. Они не стремились оберегать себя, сохранять себя, как представителей искусства. Они не играли в жрецов или даже в академиков. Когда Пушкин «восславлял свободу» и «призывал милость к падшим», он не думал о благополучии и карьере. Толстой был добровольцем, а не дезертиром. Достоевский был политическим борцом. История нашей литературы похожа на мартиролог именно потому, что наши писатели не были «литераторами», а живыми, цельными людьми, не были дряблыми интеллигентами, а борцами. Стремлением бороться по мере сил вместе с Россией против ее врага и определяется сам собой особый облик нашего Объединения. В нем участвуют только те, кто были верны России и доказали это на деле, кто, как мог. В нем участвуют только те, которые свой долг перед Россией поставили выше всяких расчетов, выше своих личных наклонностей и выше политических схем. И надо ли говорить, что такое ограничение нашего состава только естественно? С теми, кто

мог предать или забыть Россию, нам нечего говорить, нечего делить. Это не вопрос политики, не вопрос мнения — это вопрос нашей жизни, нашей души, нашего существования.

Отсюда не следует, конечно, ограничение нашей тематики. Из нашего участия в борьбе не следует, что наше творчество должно быть «боевым», «ударным», тем паче — «пропагандным». Насилие над вдохновением, из принципа хотя бы патриотического, так же смертельно для искусства, как и насилие ради выгоды по заказу. Но поскольку между творчеством и жизнью связь неразрывна, поскольку всякое подлинное творчество отражает переживание, между творчеством и борьбой, между сегодняшним творчеством наших парижских художников и сегодняшней Россией, ее страданиями, ее величием, ее исканиями открываются неизбежно хотя бы тайные звенья. В том, что исторические темы, что темы военные занимают в творчестве наших писателей все большее место, удивительного, конечно, ничего нет. Не приходится долго гадать, почему в эти дни мы устремляемся к источникам нашей национальной жизни, к истокам нашей истории и культуры. Но надо помнить и другое: чистая лирика в наши жестокие дни есть тоже акт борьбы, акт свободы, акт утверждения духа — в особенности, когда эта лирика рождается в тюрьме, как та, которую мы сегодня услышим в устах одного из наших друзей.

Мне возразят, может быть, что, твердя о борьбе, о нашем участии в борьбе, мы преувеличиваем свое значение. Россия, скажут нам, обойдется и без вас. Это верно, конечно. Но дело не в этом. Плох тот солдат, который говорит себе: родина обойдется и без меня. Такой солдат недалек от дезертира. Наше дело — не быть дезертирами и делать свое дело по совести и по крайнему разумению, как бы скромны ни были наши силы. Что это даст — не стоит гадать, и не нам судить.

ВТОРОЙ КОНЦЕРТ

РУССКОЙ МУЗЫКИ, ПЕНИЯ И ТАНЦЕВ

В субботу, 20 января, в большом зале Плейель состоится второй концерт русской музыки, пения и танцев. Оставшиеся в незначительном количестве билеты продаются у входа. Начало в 8 час. вечера.

Памяти Ромэна Роллана

Это был большой человек, большой и по физическому и по нравственному своему росту. Человек глубокой серьезности и искренности в Карлейлевском смысле слова. Он получил мировую славу, был самым известным писателем не только в Европе, но и в Азии, его особенно почитали в Индии. И это объяснялось не только его качествами, как писателя, но и качествами его нравственной личности. Тема его жизни и его творчества — была очень серьезная, самая серьезная из всех тем — он всю жизнь искал правды.

Здесь уместно употребить чудесное русское слово «правда», не переводимое ни на один язык. И в искании правды он отличался редкой независимостью, никогда не склонялся ни перед какими авторитетами, ни перед каким общественным мнением. Он всегда готов был пожертвовать людской славой и успехом во имя того, что считал правдой.

В прошлую войну 14-го года, когда Ромэн Роллан был убежденным пацифистом, близким к идеям Л. Толстого и Ганди, он восстал против войны, против ненависти к

Германии, и восстановил против себя все общественное мнение Европы. В нынешнюю войну он уже не был пацифистом. Потом он решительно выразил свою большую симпатию к Советской России и к коммунизму, что вызвало вражду к нему очень многих. Он неизменно любил Советскую Россию, которая есть Россия, он ждал от нее возникновения новой, лучшей, более справедливой жизни, он ездил в Советскую Россию, где имя его было популярно.

Его связь с нашей родиной укрепилась еще тем, что он был женат на русской, на вдове моего племянника, которую я знал еще почти девочкой.

Я хорошо знал и самого Ромэна Роллана, правда — уже старым и больным, и имел личные впечатления об этом замечательном человеке.

Он видел правду в коммунизме, как и видел страшную неправду в буржуазно-капиталистическом мире, он принимал социальный строй коммунизма, но он менее всего был материалистом. Его веру называли идеалистическим гуманизмом, может быть — не вполне точно. Натура его была мистиче-

ская, и он искал не только социальной правды, но и духовности. Одно время наиболее близка ему была духовность индуистская. Он написал книги о Рамакришне, о Вивекананде и Ганди.

В последние годы он более повернулся к христианству и заинтересовался христианской мистикой. Но он соединял это с симпатиями к коммунизму, с верой в его будущее. Он никогда не мог быть партийным человеком.

Он также никогда не принадлежал к французским литературным группировкам, к замкнутым кругам, почитающим себя элитой. В этом смысле он был одиночным писателем, стоявшим в стороне от борьбы направлений. Только очень значительная личность могла себе это позволить.

Некоторые французские писатели, признававшие себя к элите, не любили манеру Ромэна Роллана, считая его романы недостаточно французскими, более близкими к немецкому типу, идущему от «Вильгельма Мейстера» Гете. Немалую роль тут играло то, что автор десятитомного «Жана Кристофа» был глубоко связан с музыкой. Он был даже одно время профессором истории музыки. Самой сильной любовью его жизни было Бетховен, и через него он чувствовал себя связанным с германской культурой. Герой его главного романа — музыкант. Пролегает его судьба в борьбе с окру-

жающей средой, с испытаниями жизни. Роман этот принадлежит к типу педагогических романов, что французы не очень любят.

Ромэн Роллан не был специально французским писателем, как Поль Валери, или Поль Клюдель, он был писателем международным, мировым.

Его прекрасные биографии замечательных людей (Микель Анжелло, Бетховен и др.) были проникнуты культом героических личностей, возвышавшихся над средой. Он был гражданином вселенной.

Он не хотел оставаться в замкнутости европейской культуры. Он всегда хотел соединить французскую культуру с германской, европейской культурой с Россией и с Азией, — особенно с Индией.

Подобных людей было мало, слишком мало. Мы, русские, должны особенно им дорожить. Он верил в великое будущее нашей родины.

Я видел его за несколько недель до его смерти. Он до конца сохранил светлый ум и писательскую силу. В последние годы он написал большую книгу о Ш. Пэги, с которым был близок.

Прах его хотят перенести в Пантеон, как и прах Ш. Пэги.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Николай Бердяев.

„Диктат“

Кровь на фронтах еще льется потоками и миллионы поляков, чехов, норвежцев, голландцев все еще ждут своего освобождения от Гестапо; а на Западе нашлись уже сердобольные души, возвышающие, как говорится, свой голос против гарантей, которыми будущий мир должен быть застрахован от новых проявлений немецкого «вкуса к власти». Как так — поставить рейнско-вестфальский промышленный район под иностраный контроль? отнять у бедных немцев право располагать заводами Крупса и Тиссена? — огорчаются эти человеколюбцы. — И уж не получится ли нового «диктата», нового длительного «деления на победителей и побежденных», если против обезоруженной Германии будет стоять на Одре крепкий славянский заслон.

Скажем прямо: да, именно, будущий мир должен создать длительное (вперед до коренного изменения немецкой народной психики) деление на победителей и побежденных. И вот почему: если бы победа досталась не этому лагерю, а тому, то побежденных ждала бы судьба, ничего общего не имеющая с теми гарантами, о которых теперь идет речь в отношении Германии — этого бесноватого народа, который уже начинает мечтать о том, как бы, при третьей попытке, довести «до победного конца» предприятие, сорвавшееся дважды.

Нам не пристало забывать слишком быстро. Всего только года два-три тому назад, когда успех сопутствовал еще германскому оружью, германские правительственные учреждения показали на деле и идеологи германизма объяснили всем, кто хотел слышать, на что был бы похож «мир под сенью германских мечей». На что, в частности, бы бы похож мир, «продиктованный» нам, русским.

В ноябре 1941 года, когда немцы стояли под Москвой и хозяйничали на громадных пространствах нашей страны, в «Дайтше Альгемейне Цайтунг» — руководящем органе по вопросам германской внешней политики — д-р Иозеф Виншу дал особо яркую картину той гигантской колониальной империи, о создании которой трубила в те дни вся германская печать. Согласно этому специальному части «пространственной политики», «колонизация России» должна была «сыграть для Германии ту же роль, какую для Испании и Португалии сыграла колонизация Америки». «Переселение на Восток», «разработка сырья и доступ к продовольственным излишкам Востока, а также возможность инвестировать капиталы в тамошнее строительство» утвердили бы на века «руководящую роль и могущество Германии, обусловленные ее центральным положением». Поскольку кус был не мал, в участии в этой «разработке» новых колоний приглашалась весь Запад, но... «привратником и доверенным во всех торговых сношениях с Востоком должна быть Германия», «раздающая заказы для Востока и распределяющая восточное сырье и сельско-хозяйственные продукты». Иными словами, Германия брала монопольное право распоряжаться всей хозяйственной жизнью этой «новой Америки», нашей Родины.

Но как это должно было осуществляться на деле? Какими способами имелось в виду контролировать хозяйственную жизнь «туземцев», т. е. русского, украинского и прочих народов нашей страны?

Согласно декларации имперского комиссара по восточным территориям Лозе, опубликованной в том же ноябре 1941 г., Германская империя объявила себя юридически наследницей советской власти и заявила, что не признает никаких частновладельческих прав кроме тех, которые вперед могут быть созданы ею самой и в ее собственном интересе. В переводе на общепринятый язык это значит: все богатства захваченных территорий становились собственностью германского государства. Предполагалось это, как «возмещение за военные убытки».

Собственностью германского государства объявлялась, прежде всего, земля со всеми

строениями на ней. Государство оставляло за собой право сдавать землю в аренду, которая могла быть и наследственной. Для кого? Ответ прост: для «элементов наиболее ценных в расовом отношении». Многочисленные воззвания приглашали «германскую молодежь» «закрепить плугом то, что захватил германский солдат». В районах, обездолевших от войны, в частности, в Беларуссии, этим новым колонистам предлагались участки в 20-40 га и более. Как писала «Национальсоциалистische Монатсхефе» (орган Розенберга) в январском номере 1942 г., этот германский элемент должен был стать той «руководящей силой», без которой, как известно каждому просвещенному расисту, не может обходиться бесформенное и безвольное славянство.

Что же касается этих «славянских туземцев», то для них оставался в силе лишь несколько измененный колхозный строй, но уже под контролем германского государства. Аграрное положение, опубликованное в феврале 1942 г., смутно говорило о возможности допустить в дальнейшем индивидуальное хозяйство лишь для «наиболее способных», каковыми, конечно, оказались бы все те же «расово выше стоящие» переселенцы с Запада.

Таким образом, «туземцы» работали бы в артелях, «Ландбаумайншафт», под присмотром германских властей на земле, принадлежащей германскому государству, а этажем выше строился бы новый класс мелкопоместных немецких дворян.

Это в области сельского хозяйства. Что касается промышленности, она также становилась собственностью германского государства. И тут, конечно, не было речи о передаче ее в руки «туземцев». Однако, часть ее все же предполагалась перевести на частно-капиталистические рельсы: по сведениям, в свое время проникшим в швейцарскую печать (см., в частности, всегда прекрасно информированную по экономическим вопросам «Нейе Цюрихер Цайтунг», от 19 ноября 1941 г.), имелось в виду по крайней мере некоторые предприятия передать в собственность крупных немецких промышленников, «в счет покрытия государственных долгов Германии, возникших во время войны».

Помимо приобретения этих уже существующих советских предприятий, магнаты германской тяжелой промышленности должны были получить всяческие льготы и всевозможное содействие властей для создания новых заводов в завоеванных областях.

С другой стороны, германские банки должны были целиком контролировать кредит, и действительно начали открывать в «Остланде» свои филиалы почти сразу после начала оккупации.

Подведем итог. Победа Германии обратила бы население нашей Родины в рабство, в точном смысле этого слова. Сохраняя в своих руках все экономические командные высоты, Третий Рейх осуществил бы в то же время частичную реставрацию частно-капиталистического хозяйства. Но эмигрантские зубры глубоко заблуждались, надеясь получить назад свои «серебряные ложки», пропавшие четверть века тому назад: на развалинах советского строя победоносная Германия насадила бы новых помещиков, новых фабрикантов и новых банкиров, и эти помещики, фабриканты и банкиры были бы немцы и одни только немцы. Представители высшей расы, или в качестве государственных чиновников, или в качестве представителей нового привилегированного класса, распоряжались бы на русской земле так, как некогда испанцы распоряжались в Америке. А русские были бы обречены на судьбу американских индейцев.

Это не преувеличение. Идея национальсоциализма, высказанная Гитлером и Розенбергом задолго до войны, заключалась в том, чтобы овладеть на Востоке пустыми пространствами, пригодными для заселения. А так как пустых пространств у нас нет, то оставалось их сделать пустыми.

Обращать в рабство кого бы то ни было

На фронтах

ЗА НЕДЕЛЮ

На русском фронте:

На прошлой неделе Красная Армия начала общее зимнее наступление на протяжении всего Восточного фронта. С той и с другой стороны насчитывают от 3-х до 4-х миллионов бойцов. Первоначально обозначилось четыре пункта этой грандиозной атаки, линия фронта которой составляет почти 1000 км.: 1) в Курляндии (ген. Баграмиан), где отрезаны и прижаты к морю более 30-ти немецких дивизий; 2) в Восточной Пруссии (ген. Черняховский), где происходят чрезвычайно ожесточенные бои, особенно у Гольдапа; 3) стремительное наступление армии марш. Конева, быстро прорвавшей германскую линию обороны и продвинувшейся от Вислы до Кракова и дальше. В течение 3-4 дней армия эта освобождает от неприятеля громадную часть польской территории; она занимает Кельцы, Ченстохов и, наконец, Краков; и 4) наступление ген. Петрова вдоль венгерско-чехословакской границы.

Затем вскоре обозначилось выступление армии ген. Рокосовского от р. Нарев. Операции этой армии развиваются также очень быстро: в 2-3 дня были заняты важные в военном отношении пункты: Чеханов, Пултуск, Нове-Място. Успехи армии Рокосовского парализовали все контрапланы немцев против армии ген. Черняховского в Восточной Пруссии.

И, наконец, выступление армии марш. Жукова, в два дня прорвавшей фронт к югу от Варшавы и стремительно атакой сразу захватившей ряд очень важных пунктов: Сольцы, Илжу, Радом, ознаменовалось занятием Варшавы и продвижением далеко вперед, к Лодзи и далее.

Это победное, действительно, молниеносное продвижение Красной Армии отодвигает временно на второй план судьбу Будапешта, гарнизон которого, повидимому, обречен германским командованием на уничтожение, ибо нашумевшая на прошлой неделе «выручка» все еще безнадежно топчеться на месте у Эштергома и Бичке. В самом городе идут безпрерывные бои, и противник уступает квартал за кварталом только после отчаянного сопротивления.

Москва объявляет в своем последнем военном сообщении о полном занятии Пешта и о том, что три четверти всего города находятся в руках Красной Армии.

Таким образом, вся линия мощной обороны между районом Варшавы и районом Кракова прорвана и уничтожена в несколько дней. В последнем сообщении из Берлина прямо говорится про восточный фронт, что «положение здесь еще ухудшилось», что части Красной Армии находятся уже у Силезской границы, и что «русские имеют перед собой только фолькштурм (народное ополчение).

Успешным продвижением Красной армии, очевидно, имеющим своей целью Кенигсберг — Данциг, с одной стороны, и Краков — Будапешт — Вену, с другой, вся территория Польши, Силезии и Чехословакии попадает в грандиозные клещи, и положение здесь немцев делается с каждым днем все более катастрофическим.

Приказом маршала Сталина за 19 января объявляется, что Модлин (Новогеоргиевск), Петроков и Лович заняты частями Красной Армии.

На западном фронте:

В Арденнах немцы, теснимые с севера англичанами и с юга американцами, продолжают очищать занятую ими во время недавнего наступления территорию и отходят к линии Зигфрида. Американцами занят перекресток больших дорог Уффализ.

В Лотарингии и в Эльзасе противник делает попытки наступать, направляя свои атаки с севера, со стороны Биче и Гагенау, и особенно с юга, где подступы к Страсбургу обороняются французами. Предмостное укрепление немцев у Гамбенгейма подвергается безпрерывным атакам союзников.

В Тихом океане операции на Филиппинах развиваются чрезвычайно успешно для высадившихся здесь на прошлой неделе американцев. Колонны их проникли более, чем на 60 км., вглубь острова Люсона и движутся, не встречая особо упорного сопротивления, к Манилле.

Церковная елка

Отведенное мерией 15-го аррondисмана, довольно большое помещение — переполнено до предельной тесноты: впереди плотными рядами сидят на скамейках дети, начиная с полуторагодовалых малышей, кончая подростками. Ребят больше 200 человек, а позади стояли взрослые, они, пожалуй, еще многочисленнее детей. Впрочем, это — понятно, ибо елка, устроенная Трехсвятительским подворьем русской патриаршой церкви, не совсем обычная: на ней впервые соединились дети из России и из эмиграции.

Соединились и взрослые: рядом с настоятелем подворья сидит в офицерской форме капитан Красной Армии — начальник лагеря бывших военнопленных, а целая группа бывших военнопленных исполняет часть программы рождественского детского праздника. Они составили оркестр, исполняющий русские песни, они аккомпанируют танцам. Чудесно пляшут четыре пары советской молодежи национальные танцы Пляска эта настолько, видимо, захватывающая, что от группы смуглых, черноволосых ребят (русских цыган из Литвы) неожиданно от-

деляется мальчик лет 8-ми и тоже хочет танцевать. Из задних рядов почти не видно, но сидящие ближе не могут отвести глаз от этого изумительного ребенка, в котором все — ритм, огненный темперамент и пластическая легкость. Глазки его горят, разумянились щеки; он весь захвачен стихией танца и вызывает общий восторг.

Выходят развлекать детей клоуны (тоже советские, один из них — ученик драматической школы). Они — милы, остроумны, занимательны.

И клоуны, и танцоры с чисто русской изобретательностью сумели сделать себе соответствующие костюмы очень удачно.

В конце программы — высокого художественного номера: первоклассные артисты квартетом поют старинные украинские колядки.

Как серебряная свирель звучит хрустально-прозрачное сопрано Н. Н. Вечор, сливающееся с бархатно-грудным контральто Н. К. Кедровой. Прекрасный генер Малинина и бас Чекатовского дополняют этот редкий по музыкальности ансамбль.

Нам сообщили, что совместное выступление советских исполнителей и русских патриархических артистов, быть может, удастся повторить в более расширенном масштабе и в соответствующем помещении, с целью обратить сбор на приобретение необходимой одежды для русских детей, живущих в лагере под Парилем. Предлагается и теперь жертвовать теплые вещи для детей и подростков лагеря (особенно обувь и чулки), направляя пожертвования в Трехсвятительское подворье (5, рю Петель). А. М.

— не в русском характере. Русские — не индейцы, но и не гитлеровский «народ господ». Русские и не желают иметь немцев своими рабами. Но русский народ должен получить все гарантии того, что еще раз на него «крестовым походом» не пойдут. И эти гарантии будут получены — даже если они будут сопряжены с некоторым неудобством для немцев.

С — ный.

PLEYEL
в воскресенье 28 января
в 14 час. 15 мин.
предв. прод. бил. открыта.

НОКТЮРНЫ И ВАЛЬСЫ ШОПЭНА В ИСПОЛН. ПИАНИСТА **BORCHARD**

Salle Gaveau
45, rue La Boétie
 métro: St-Philippe du Roule

Концерт виолончелиста

Александра Скаржинского

при уч. пианиста Александра ЛАБИНСКОГО.

В программе: Лало, Бах и Скаржинский. Билеты в зале и в маг «Петроград».

Понедельник
29 Января
20 ч. 15 м.

PLEYEL
Métro TERNES
3-е Гала
РУССКОЙ МУЗЫКИ,
ПЕНИЯ И ТАНЦА

В ВИД УСОВЕР-
ШЕННО ИСКЛ.
УСПЕХА

Балалаечный оркестр и хор (в усил. сост. 40 ч.) под упр. Г. Черноярова и
солисты: М. ВАРЖЕВСКАЯ, Е. КОЛЧИН, С. БЕСАРАБОВ и В. ПАВЛОВИЧ.
Ашим-Хан в своем репертуаре. ТАНЯ МАКСИМОВА и ЖОРЖ ИВАНОВ —
дуеты ОЛЬГА РАЗОВА — укр. танцы, и ЕЛЬЦОВ со своим балетным ансамблем.
Билеты — в Плейель и у Дюрана.

Хроника Союза Р.П.

ОТ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА

Председатель правления Союза принимает ежедневно, кроме субботы и воскресенья, от 2 час. до 5 час. дня.

Генеральный секретарь Союза принимает ежедневно, в помещении Союза: 4, rue Сэн-Дидье — игры и кино для детей. На покрытие расходов — 5 фр. Вход — свободный.

Секретариат Союза просит всех лиц, записавшихся в Союз, но еще не заполнивших анкет, поспешить с выполнением этой формальности, без которой они не смогут получить членских карточек. Означенная просьба относится также и ко всем товарищам, работавшим в подполье, т. е. до освобождения Парижа от немцев, но не оформленным официально своего зачисления в Союз.

С 8-го января секретариат С. Р. П. приступил к выдаче членских билетов. Лица, полностью заполнившие анкеты с указанием поручителей, могут являться за получением членских билетов в приемные часы в помещение Союза с представлением двух фотографических карточек.

КЛУБ-ЧИТАЛЬНЯ С. Р. П.
В помещении Союза, 4 rue Гальяра (метро Альма-Марса) открыт клуб-читальня. При клубе — буфет.

БИБЛИОТЕКА
С 18-го декабря библиотека СРП открыта по понедельникам, средам и пятницам, от 16 до 19 час.

Испытывая острую нужду в средствах, библиотека обращается с горячим призывом к сочувствующим помочь ей, по мере возможности, будь то книгами, будь то деньгами.

Лиц, имеющих на руках книги библиотеки Домбровского (Россика), просят передать их библиотеке С. Р. П.

ШАХМАТНЫЙ КРУЖОК
При Союзе организуется шахматный кружок. Лица, интересующиеся этим вопросом, могут обращаться к секретарю Союза ежедневно от 3 час. дня до 5 час. вечера.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
Заведующий музыкальным отделом принимает от 3 час. дня до 5 час. вечера по средам и пятницам, 40, rue Сэн-Дидье.

КУРСЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
Уроки английского языка для лиц, записавшихся в первоначальную группу, назначены по вторникам и пятницам в 19 час. 30 мин., в помещении Союза. Лиц, не явившихся на первый урок, просят пожаловать во вторник, 16-го января, в 19 час. 15 минут.

СПОРТ

По всем вопросам спорта — обращаться к Н. А. Салгирову в помещении Союза.

ДЕТСКИЙ КЛУБ

В четверг, 18 января, в 3 часа дня, на 40, rue Сэн-Дидье — игры и кино для детей. На покрытие расходов — 5 фр. Вход — свободный.

ОТДЕЛ ЛЕКЦИЙ И КУРСОВ

В среду, 24 января, в помещении Союза, состоится лекция проф. С. С. Чахотина: «Создание нового человека — задача наших дней».

В пятницу, 26 января, состоится открытый диспут на тему: «Национальное чувство и национализм».

Вступительное слово скажет С. И. Руденко. Запись ораторов — перед началом диспута.

Начало лекций — в 20 час. 15 мин.

Вход — свободный.

На покрытие расходов — 5 фр. Безработные и учащиеся — 3 франка.

В понедельник, 22 января — собеседование для членов Союза и кандидатов в члены. Ответы на вопросы идеологического и практического характера.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКОГО ЮНОШЕСТВА

Запись в Объединение русского юношества и прием по всем вопросам, касающимся Объединения, производится в помещении: 40, rue Сэн-Дидье, Париж (16), по четвергам, от 18 ч. до 20 ч. и по воскресеньям, от 15 ч. до 17 ч. Возраст членов Объединения — от 16-ти лет.

В воскресенье, 28 января, в 15 час., в помещении: 40, rue Сэн-Дидье, Париж (16), устраивается открытое собрание Объединения русского юношества. В. Корвин-Пиотровский прочтет доклад на тему: «Молодежь в СССР и в эмиграции».

СОЮЗ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Союз участников великой войны извещает своих членов, что при Союзе, 28, rue Оливье де Сир, Париж (15), открывается кантин. Там же — запись на некоторые продукты.

СОЮЗ РУССКИХ ПАТРИОТОВ

Устраивает в воскресенья 20 января ровно в 7 час. вечера.

Танцевальный вечер

Хороший оркестр. Буфет.

РУССКИЙ ПАТРИОТ

Наука и политическая пропаганда

Проф. С. С. Чахотин прочел в «Русском Патриоте» доклад на тему: «Наука и политическая пропаганда». Докладчик, сам бывший ассистент академика Павлова при физиологической лаборатории Академии Наук, изложил в основных чертах учение академика Павлова об условиях рефлексах, приведя его затем в связь со своими собственными исследованиями над «условными реалями» у изолированных клеток и дав анализ основных инстинктов, как базы человеческого поведения. Все действия человека и побуждения к ним могут быть приведены в стройную систему, из которой видны их взаимоотношения и их структура, как сложных условных рефлексов. Сила последних неодинакова; наиболее интенсивны те, что базируются на инстинкте борьбы. Вся гитлеровская пропаганда есть не что иное, как безсознательное применение биологических закономерностей условных рефлексов.

Докладчик разобрал методы современной пропаганды, иллюстрируя их примерами из истории политической борьбы в Германии, и противопоставил гитлеровской тактике эквивалентную, научно-обоснованную, социалистическую пропаганду. Он особенно остановился на формах и значениях политической символики, которая лежит в основе современных методов пропаганды, и показал, на цифровых примерах из опыта борьбы, особенно в Германии, что применение этих методов дает возможность утверждать, что результат их есть математическая функция длительности их действия. Задачей прозорливого демократического правительства должны быть разработка и применение способов ограждения народных слоев от подобных воздействий. Никаких научных оснований утверждать, что существует биологическая разница между группами населения, и этим обосновывать расистскую теорию о праве определенных групп или даже народов угнетать других, — не существует. Разница между группами населения основана на социально-экономической несправедливости, порождающей неравные условия воспитания, источник различной со- противляемости против опасностей «психического насилия».

Выход отсюда один: раскрепощение широких народных масс от устарелых социально-экономических условий, как это уже осуществлено в СССР, в результате че-

Samedi, 27 Janvier, à 20 h. 30, à la Salle Pleyel (Métro Ternes), à l'occasion de la clôture du Congrès des Immigrés en France, organisé par le Centre d'Action et de Défense des immigrés.

GRAND GALA DES NATIONS AU PROFIT DES COMBATTANTS IMMIGRES

Le chansonnier Raymond Briffaut présentera le programme et dirigera la vente aux enchères. Fête de nuit — Tombola. Vente aux enchères à l'américaine. Buffet. Entrée sur invitation. Il ne sera pas délivré de billets à la Caisse. Retirer les invitations au Siège du C. A. D. I., 116, rue Réaumur (Métro Sentier).

ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ РУССКИХ ШОФФЕРОВ

Правление Общества взаимопомощи русских шофферов извещает членов Общества, что в воскресенье, 28 января, в 3 часа дня, на 9, rue Даниэль Стерн, назначается общее собрание членов Общества для обсуждения вопроса по ликвидации Общества взаимопомощи русских шофферов, на основании пар. 52-го устава О-ва.

СОЮЗ РУССКИХ ПАТРИОТОВ ТЕАТРАЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

В воскресенье, 21 января, в 4 часа 30 мин. дня в помещении Союза, 4, rue Гальяра

Большой Концерт - Дивертисмент

с участием известных оперных и драматических артистов. По окончании концерта танцы до 11 час. ночи. Хороший оркестр. Буфет.

го возможна постановка нового типа школ, вырабатывающих психическую устойчивость масс.

Докладчик закончил свое изложение указанием на то, что в осуществлении новых положений политической науки активность играет огромную роль, а она связана неразрывно с оптимизмом, который так характерен сегодня для народных масс в СССР. Лозунгом сегодня должен быть «активный оптимизм».

R.

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИГОТОРГОВЛЯ

«ДОМ КНИГИ»

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, rue de l'Eperon, Paris (6).

Ehrenbourg, «La Chute de Par's», 90 fr. Календари на 1945 г. 50 фр. и 15 фр. Маклаков, «Л-я Г. Дума» (Восп.) 150 ф. Эренбург, «Рвач», ром. 105 фр. Чижевский, «Гегель в России», 140 фр. Слоним, «Портреты сов. писат.» 70 фр. Алданов, «Лесная симфония», р. 84 фр. Слиозберг, «Дорев. строй России», 140 ф. Вячеслав Иванов, «Человек», 42 фр. Совет и заруб. изд. Книги по всем отраслям знаний. Словари и учебн. иностр. яз. для русских. Книги о России на франц. языке. Детск. книги. Учебн. для русских школ. Книги по русск. искусству. Открыто от 10 до 18 час., кроме праздн. Тел. Danton 10-60.

M-e Jean GHERMAN, avocat

39, rue Le Marois, Paris 16°

Tél. AUT 42 86.

(Métro Porte St-Cloud) et

41, Bd Gambetta, Nice.

И. Як. ГЕРМАН возобновил прием в Париже. Дела во всех судебн. и админ. учрежд. Возвращение имущества, предпр., квартир. Возмещ. убытков. Применение зак. 14 ноябр. и 9 января. Досъе для Commission de réparation. Прием от 14-15 и 19-20 час.

ОЧКИ — НИКИТИН

Русский дипл. оптик. — 38, Bd Batignolles

Métro: Place Clichy-Villiers.

ЗУБ. ВРАЧ ГОШФЕЛЬД ПАР. ФАК.
sur rendez-vous Trinité 30-00
11, rue de Douai (Métro Pigalle)

З ДНЯ ДЕШ. РАСПРОД. книжн. литер., медн., техн., сельскохоз., искус., детск., учебн., самоуч., ноты, грав., открыто от 17 до 20 час. 39, rue Le Marois, rez-de-ch.

РОЗЫСКИВАЮ дядю Орленко, Александра Кондратьевича. Сообщить в лагерь Бэрэгар (Версаль) П. Т. Мурзину.

ИЩЕТ вдову, 52 л., не знает мат., желает познакомиться с одиноким русским, с целью взаимной заботы и мор. поддержки. Писать в Редакцию под. 39.

ИЩУ женщину в семью из трех человек. в деревню. Условия хороши. Писать: Andreieff. Lancome par Herbault, Loire et Cher.

УРОКИ МУЗЫКИ (рояль), фр. яз., мат. рус. яз., все предмет. Оп. препод. (Моск. кон. М. В. Ж. К. Сорб.). M-me Vologdine. 211, rue Convention Tél.: VA 17-05.

КАЛЕНДАРИ, самоуч. англ. яз., словари в библиотеке ОФЕНИЯ. 8, rue Boucicaut (yr. Sarasate Paris (15°) Métro Boucicaut.

Открыто от 3 до 5 ч. (кроме воскр. и пон.).

Le Gérant provisoire Vénitien

Travail exécuté par des ouvriers syndiqués

Imprimerie S. P. I. 4, Rue Saulnier - PARIS 9